

Наталья Лясковская

Родилась на Украине, в городе Умани. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Автор книг стихов и прозы для взрослых и детей. Член Союза писателей России. Член Совета Международного Союза православных женщин. Лауреат Международной литературной премии имени Фазилия Искандера в номинации «Поэзия» (2022). Живет в Москве.

ЛЕСКОВ

Глава пятая

Из училища — в судилище, или Служба и дружба

*Продолжение. Начало в №№ 1-4 за 2021 год,
в № 1 за 2022 год, в № 1 за 2023 год*

Сослуживцами Николая Семёновича были люди разные: кое-кого можно было бы назвать хваткими выжигами или крючкотворами, многие не чурались мздоимства, проще говоря, брали взятки. Пришлось неопытному юноше приноравливаться, ловя науку на лету: не только разбираться в головоломных тяжбах, но и налаживать отношения с сотрудниками, дабы иметь возможность продвинуться по карьерной лестнице и получать более высокое жалованье. «Это грозило вовлечением в круговорот узких служебных интересов, местных успехов, а с тем и легко возможным прирастанием к “своему месту”, свычкой с провинциальной “дрязгой”», — пишет А. Н. Лесков.

На свое счастье, отец так и не узнал, что «юноша с сильным характером», за которого он, ломая через колено свою гордость, хлопотал, так и не передал отцовское прошение по назначению. Из-за этой лесковской строптивости счастливо удвоилось все письменное наследие «крутого человека». Что ценно, потому как кроме завещательного наставления 1836 года и данного «просительного письма», не сохранилось ничего, написанного рукой Семёна Дмитриевича Лескова¹. «Прошение» же сбереглось только потому, что Николай Семёнович определил его в свой архив, где оно лежало почти сто лет в конверте, на котором писатель начертал: «Письмо моего покойного отца к Дмитрию Николаевичу Клушину. Письмо это не было отдано тому, кому оно писано».

Однако и в казенном заведении нашлись «добрые люди». Непосредственным начальником и руководителем Лескова стал Илларион Матвеевич Сребницкий, исполнявший обязанности секретаря палаты. Это был мягкий, любящий литературу человек, который позже будет давать свои критические отзывы о первых произведениях начинающего писателя Лескова, а затем и подтверждать подлинность сцен, воспроизведенных в «Смехе и горе». Сребницкий был одним из наиболее любезных Лескову, по воспоминаниям, коренных орловцев (я уже упоминала о нем в Прологе: через много лет, узнав о «горестном положении» Сребницкого на старости лет, Николай Семёнович организовал для него «складчину»). С ним он изредка переписывался и посылал ему отдельные свои издания². Несомненно, Лесков видел

---

¹ Куда же делись семейные бумаги, имеющие отношение к С. Д. Лескову? Неизвестно. Андрей Николаевич на этот вопрос ответил с циничным реализмом: «В деревне в хозяйстве бумаге большое применение».

² Псевдонимная подпись Стебницкий впервые появилась 25 марта 1862 г. под первой беллетристической работой «Погасшее дело» (позже «Засуха»). Держалась она до 14 августа 1869 г. Проскальзывают подписи М. С., просто С, наконец в 1872 г. Л-С — П., Лесков-Стебницкий и М. Лесков-Стебницкий. Из других условных подписей и псевдонимов известны: Фрейшиц, В. Пересветов,

и помнил в нем первого своего руководителя в чтении более современных литературных произведений с критическим уже подходом к читаемому. Это была непростая задача, и ученик сохранил заслуженную благодарность учителю за ее выполнение и даже позже взял для некоторых своих произведений созвучный его фамилии псевдоним — Стебницкий, хотя, согласно семейному преданию, Лесков хотел подписываться «Степницкий», потому что-де «долго жил в Пензенской степной губернии». А потом как-то само собой в начертании фамилии П перешло в Б...

В июне 1847 года в Орёл прибыл сосланный за участие в тайной антиправительственной организации — Кирилло-Мефодиевом братстве — фольклорист и этнограф Афанасий Васильевич (Опанас) Маркович, первый муж писательницы Марко Вовчок. Тут следует немного рассказать об этом самом обществе, имевшем сильное влияние на умы молодого поколения того времени, влияние, пролонгированное даже до нашего времени. По мнению советского, а позднее — просто украинского историка Рэма Симоненко, деятельность Кирилло-Мефодиевского братства являлась «первой попыткой украинской интеллигенции бороться за права украинского народа». Это была тайная политическая организация, созданная по инициативе идеолога панславизма Н. И. Костомарова в январе 1846 — марте 1847. Все задумывалось весьма прекраснодушно и романтично: братские славянские народы на равных началах, взявшись, так сказать, за руки, «чтоб не пропасть поодиночке», должны были создать идеальную федерацию славянских народов на основе сословного равенства, свободы печати и вероисповедания, коалицию славянских демократических республик, образовав союз, центром которого должен был стать Киев — «мать городов русских». Впрочем, среди

Николай Понукалов, Николай Горохов, Кто-то, Дм. М-ев, Н., Член общества, Псаломщик, Свящ. П. Касторский, Дивьянк, М. П., Б. Протозанов, Николай-ов, Н. Л., Н. Л.-в, Любитель старины, Проезжий, Любитель часов, N. L., Автор заметки в N 82 («Петербургская газета», 1887, N 86) и просто Л.

равных были те, кто «равнее» — особая роль в этом союзе предназначалась украинцам, которые якобы «отличались особым свободолобием и демократизмом». Костомаров был русским, незаконнорожденным отпрыском барина и крепостной из слободы Юрасовки Острогожского уезда Воронежской губернии. Начинать он учился в московском пансионе, куда его устроил отец. Но скоро юрасовского барина убили с целью ограбления его же крепостные, и матери Николая пришлось нелегко: с большим трудом она вытянула сына — Костомаров окончил Воронежскую гимназию, а затем поступил в Харьковский университет, где попал под влияние украинских националистов. Костомаров увлекся украинской историей и этнографией, выучил украинский язык (удивительно, что многие современные идеологи украинского национализма прошли тот же путь: не будучи урожденными или этническими украинцами, проживая даже в других странах, они усвоили радикальные проукраинские взгляды и пропагандируют их, чаще всего — на недоученной ломаной «мове». «Украинство — это не кровь. Это образ мыслей», — сказала прозаик и публицист Елена Чудинова в интервью сайту «Вера и дело»). В 1842 году Костомаров напечатал диссертацию «О значении унии в западной России». Архиепископ Харьковский Иннокентий доложил руководству о «возмутительном содержании книги», и ее было велено сжечь. Вскоре Костомаров начал новую работу — о Богдане Хмельницком. В ее ходе он пожелал побывать в местностях, где происходили описываемые им события, и стал учителем гимназии сперва в городке Ровно, затем в Киеве, а в 1846 г. совет Киевского университета избрал Костомарова преподавателем русской истории. Там и сложился вокруг него кружок, в который входили в числе других Маркович, о котором идет речь, и другие.

Перекося «славянского равноправия» на одну сторону, однако, не остался незамеченным властями, да и в идеологии сообщества уже вовсю развернулись революционные идеи свержения самодержавия. Заговорщиков разогнали, Костомарова посадили в Петропавловскую крепость, а более мелких кружковцев разослали по нестрогим ссылкам — так Маркович попал в Орел.

Человек он был светский, небесталанный (ему, например, принадлежит музыка к драме И. Котляревского «Наталка Полтавка»,

в дальнейшем аранжированная поляком Алоизом Едличкой). Хоть Лесков, было дело, и назвал губернатора Трубецкого «умоокраденным», в случае с Марковичем тот поступил разумно: чтобы было удобнее надзирать за ссыльным, Трубецкой назначил бывшего участника костомаровского кружка помощником правителя своей канцелярии. Афанасий Васильевич был исполнителен и деловит, так что все «свертелось ко всеобщему удовольствию» — и городу польза, и опальный панславист постоянно под бдящим оком губернатора. В культурном обществе Орла фигура «революционера» стала центром, к которому притягивались лучшие люди города (увы, мода на разнообразных «повстанцев» уже тогда была присуща высшему свету и интеллигенции!). Как правило, собирались в гостиной боярыни Плодомасовой-Зиновьевой. Тут никто не обращал внимания — кто в каком мундире, кто в каком платье или костюме явился на обед или ужин, главное, чтобы все выглядели пристойно. Здесь бывали: блестящий очеркист Степан Степанович Громека; только что вкусивший первую славу литературный критик, «нищеванец» и «базаровед» Д. И. Писарев, отрицавший творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя, автор статьи-прокламации «О брошюре Шедо-Перроти», содержащей призыв к свержению самодержавия; и другие популярные в то время «передовые личности». Супруга Марковича, троюродная сестра одного Д. И. Писарева (впоследствии ставшая его любовницей), коренная орловчанка Мария Александровна Вилинская была еще более «прогрессивным» человеком, чем ее муж. Она тоже «самотужки» выучила украинский язык и заделалась украинской писательницей, из феминистских соображений взяв мужской псевдоним Марко Вовчок. С ней скучать не приходилось: загадочные и неоднозначные (учитывая моральный облик дамы) отношения связывали «письмэнныцю» с историком Костомаровым, писателями А. Плещеевым, А. Писемским, Тургеневым, Добролюбовым и Герценом и даже (разносторонних интересов была женщина!) Жюлем Верном и Нерудой.

«Пан Опанас» — Маркович был Лескову ближе, чем его супруга; на шестом десятке лет Лесков так характеризовал чету Марковичей: «Афанасий Васильевич сосредоточивал в себе много превосходных душевных качеств, которые влекли к нему сердца чутких

к добру людей, приобретали ему любовь и уважение всех, кто узнавал его благороднейшую душу. Литературное образование его было очень обширно, и он обладал умением заинтересовывать людей литературою. В общем отношении он принес в Орле пользу многим. Этот-то замечательный молодой человек встретил Марию Александровну Вилинскую, которая, кроме своей несомненной природной даровитости, обладала также и прекрасной наружностью. Афанасий Васильевич полюбил молодую красавицу, и они сочетались браком — девица Вилинская стала г-жою Маркович, из чего потом сделан ее псевдоним Марко-Вовчок. Вскоре имени этой молодой дамы суждено было «расти», а имени Афанасия Васильевича — «мáлится», но в сумме влияний, благоприятных раскрытию душевных сил и таланта Марко-Вовчок, Афанасий Маркович, по мнению многих, имел немалое значение. Во всяком случае, он значил, конечно, гораздо более, чем орловский институт». Тут имеется в виду, что Мария Александровна не училась ни в каких высших заведениях (хотя она часто утверждала обратное), а получила свое развитие от мужа. На запрос редактора журнала, публиковавшего его «Очерки», Лесков твердо ответил: «М. А. не могла быть в орловском институте, и ее развитие всецело принадлежит ее прекрасному мужу, которого я очень хорошо знал и любил, да и обязан ему всем моим направлением и страстью к литературе. Он давно умер, убитый горем и, может быть, бесславием...» (К тому времени М. А. Маркович уже стала любовницей троюродного своего брата и покинутый муж был уничтожен позором — *Н. Л.*) «Теплая память и глубокая признательность выливаются в массу упоминаний о “милом Опанасе” вплоть до самых предсмертных дней», — свидетельствует о чувствах своего отца к Марковичу Андрей Николаевич.

Товарищем Марковича являлся и украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Интерес Лескова к личности и творчеству Шевченко, приведший к краткой дружбе с колоритным малороссийским писателем, начался в Орле, в гостинной А. Н. Зиновьевой, где их свел Маркович. Позже, по приезде в Киев, молодой Николай Семёнович еще более увлекся «запрещенным поэтом», возмущаясь вместе со всей «передовой интеллигенцией» арестом и «жестокой расправой» над Шевченко: «История,

по которой были арестованы в Киеве несколько лиц, и в числе их покойный Тарас Григорьевич Шевченко, была у всех на устах в 1849 году, когда я мальчиком приехал из Орла в Киев и поселился у дяди моего, профессора Алферьева». Молодежь ставила Шевченко «выше всех поэтов». Да, стремление к правде, к защите слабых, помощи обездоленным и терпящим бедствие, к торжеству справедливости всегда были присущи русскому человеку. К сожалению, порой эти прекрасные свойства приводили к чрезмерной страстности и губительным заблуждениям, как в случаях повальных помешательств, например, на революционных идеях. Трагические последствия этой деформированной гуманности, искажения христианских идеалов нам хорошо известны. А начинается все с благих намерений, но «Hell is full of good meanings and wishings»³... Зная Лескова по киевским временам В. Г. Авсеенко писал: «Лесков был настоящий писатель, нервный, страстный, постоянно волнуемый условиями и обстановкой своего авторства, словно перегорающий в нем...» Вот это самое вечное внутреннее горение — одна из главных составляющих натуры писателя Николая Семёновича Лескова. Он неустанно стремился помочь, поддержать, обогреть того или иного человека, встреченного в жизни. Так вышло и с Шевченко. Тогда «нарасхват читались его “Чигиринский Кобзарь” и поэма “Гайдамаки”, а запрещенные стихи “поэта-страдальца” переписывались и заучивались наизусть. Все это порождало у будущего писателя стремление овладеть языком Украины, изучить ее историю, чтобы потом с особой глубиной постичь поэтическое своеобразие творчества Шевченко и его выдающуюся роль в развитии молодой украинской литературы. Хотелось и самому увидеть “батюку Тараса”, которого после ареста отправили солдатом в Оренбургскую губернию, запретив писать и рисовать. Лишь в 1858 году, после долгих хлопот друзей, Шевченко возвратился в Петербург, а в 1859 году

---

³ Благими намерениями вымощена дорога в ад.

сюда приезжает и Н. С. Лесков», — утверждает Т. Ю. Синякова, старший научный сотрудник филиала ОГЛМТ — Дома-музея Н. С. Лескова в статье, опубликованной в Тургеневском ежегоднике 2014 года (сост. и ред. Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балыкова. Орел, Издательский Дом «Орлик», 2015 год). Гораздо позже, в 1860 году, Николай Семёнович несколько раз навещал Тараса Григорьевича в его петербургской квартире, расположенной в здании Академии художеств (ныне Университетская набережная, 17). Зимой 1860 года, заботясь об издании «Псалмов», переложенных им на украинский язык, Шевченко и сам часто заходил к Лескову, жившему в центре Петербурга, по дороге из Александровской Лавры на Васильевский остров. «Глубоко интересующийся творчеством украинского поэта, Лесков наверняка читал его повесть “Капитанша”, в которой автор отразил свои впечатления, полученные от посещения Орла весной 1845 года, когда после окончания Академии художеств поэт возвращался домой на Украину: небывалый разлив Оки и Орлика, прогулки по Орлу, купленную в табачной лавке орловскую гармонику, на которой потом играл в Кромах, разговор с мужичком “Митровского уезда”», — вольно импровизирует Синякова. Возможно, писатели говорили об этом. А может, о чем-то другом. Все, что мы знаем об отношениях Лескова и Шевченко, все эмоции, письма, воспоминания, сохранились только со стороны Лескова. А были ли они со стороны Шевченко? Никаких свидетельств мне обнаружить не удалось. Да и читал ли Шевченко произведения Лескова, хотя бы написанные на малороссийском материале — «Печерские антики», «Старинные психопаты», «Некрещеный поп», «Заячий ремиз» и другие? «Читать он, кажется, никогда не читал при мне; книг, как и вообще ничего, не собирал. Валялись у него и по полу, и по столу растерзанные книги “Современника” да Мицкевича», — вспоминал скульптор Михаил Микешин. Такого же мнения были об украинском поэте и другие: «Читал Шевченко, я полагаю, очень мало (даже Гоголь был ему лишь поверхностно известен), а знал еще менее того», — говорил Иван Сергеевич Тургенев; «Шевченко не был ни учен, ни начитан», — вторил ему поэт Яков Полонский. Скорее всего, любовь, точнее, увлечение в данном случае было односторонним — со стороны Лескова.

Украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко — мой земляк, родом из Черкасской области. Талант рисовальщика у своего крепостного заметил помещик В. П. Энгельгардт и из своих корыстных соображений (сделать из него «художника для себя, любимого») отдал юношу в обучение к преподавателю Виленского университета Яну Рутему. В Вильне Шевченко учился около полутора лет, а в 1832 году Энгельгардт, живущий в Санкт-Петербурге, решил сделать из своего крепостного домашнего живописца, послал Шевченко к «разных живописных дел цеховому мастеру» Василию Ширяеву. В качестве помощника Ширяева Шевченко участвовал в работе над росписями петербургского Большого театра, а в 1836 году, срисовывая статуи в Летнем саду, Шевченко познакомился со своим земляком художником И. М. Сошенко, который представил своего земляка конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу, художникам А. Г. Венецианову, К. П. Брюллову и поэту В. А. Жуковскому. Воодушевленные сочувствием к талантливому крепостному художнику выдающиеся деятели русской культуры загорелись идеей выкупа его из неволи, чтобы Шевченко мог поступить в Академию художеств. Снаскоку налетели они на Энгельгардта, требуя безвозмездно дать свободу Шевченко, но нашла коса на камень: тот не только отказался бесплатно отпустить своего крепостного, но еще и задрал цену, сообразив, что люди хлопочут упорные, денег достанут, сколько он спросит. Личное ходатайство моднейшего в то время академика живописи Карла Брюллова только распалило жажду наживы поляка. И даже придворный художник профессор Венецианов не смог переубедить прижимистую «самую крупную свинью в торжковских туфлях», как обозвал Энгельгардта Брюллов. Тогда Карл Павлович написал портрет Василия Андреевича и разыграл картину в лотерею, организованную друзьями-единомышленниками. Картину тайно, через Жуковского и Венецианова, из благотворительных побуждений выкупила государыня Александра Федоровна, супруга Николая Первого (за освобождение Шевченко были уплачены большие деньги — две тысячи пятьсот рублей). В знак благодарности Шевченко посвятил Жуковскому свою поэму «Катерина», в которой по сюжету нехорошие «москалики», российские солдаты, соблазняют украинскую

девушку-сироту и бросают с «животом»... А государыне он и во-
все отплатил черной неблагодарностью — описал ее в поэме
«Сон» в карикатурном виде:

Царица, небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще, на лихо, сердешне,
Хита головою.
Так оце-то та богиня!
Лишенько з тобою.

На самом деле государыня была весьма хороша собой, но, по-
ложим, понятия о красоте у людей разные. Вот и сам Лесков писал
в «Запечатленном ангеле» об одной из своих героинь, барыньке
из высшего света: «Страшно она нам не понравилась, и Бог знает
почему: вид у нее был какой-то оттолкновенный, даром что она
будто красивою почиталась. Высокая, знаете, этакая цыбастая
(тонконогая), тоненькая, как сойга (степная лань), и бровеносная.

— Вам этакая красота не нравится? — перебила рассказчика
медвежья шуба.

— Помилуйте, да что же в змиевидности может нравиться? —
отвечал он.

— У вас, что же, почитается красотой, чтобы женщина
на кочку была похожа?

— Кочку! — повторил, улыбнувшись и не обижаясь, рассказ-
чик. — Для чего же вы так полагаете? У нас в русском настоя-
щем понятии насчет женского сложения соблюдается свой тип,
который, по-нашему, гораздо нынешнего легкомыслия соответ-
ственнее, а совсем не то, что кочка. Мы длинных цыбов, точно,
не уважаем, а любим, чтобы женщина стояла не на долгих нож-
ках, да на крепоньких, чтоб она не путалась, а как шарок всюду
каталась и попевала, а цыбастенькая побежит да спотыкнется.
Змиевидная тонина у нас тоже не уважается, а требуется, чтобы
женщина была из себя понедристее и с пазушкой, потому оно
хотя это и не так фигурно, да зато материнство в ней обознача-
ется, лобочки в нашей настоящей чисто русской женской породе

хоть потельнее, помясистее, а зато в этом мягком лобочке веселости и привета больше. То же и насчет носика: у наших носики не горбылем, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, как вам угодно, в семейном быту гораздо благоуветливее, чем сухой, гордый нос. А особенно бровь, бровь в лице вид открывает, и потому надо, чтобы бровочки у женщины не супились, а были пооткрытнее, дужкою, ибо к таковой женщине и заговорить человеку повадливее, и совсем она иное на всякого, к дому располагающее впечатление имеет. Но нынешний вкус, разумеется, от этого доброго типа отстал и одобряет в женском поле воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно». В общем, «тонка, довгонога» — по понятиям героя Лескова, это «на длинных цыбах». «Но приличные современники плюнули на чоботы Шевченко не за это, — пишет неизвестный автор на сайте «Исторические наперстки». — Сравнение с грибом было не главным оскорблением. Во время мятежа декабристов Александра Федорова вместе с детьми едва не попала в руки “революционеров”. Если знаете, намечено было физическое уничтожение царской семьи. В результате перенесенного нервного потрясения императрица заболела, одним из проявлений недуга стали произвольные подергивания головы. Не очень заметные, но все-таки. Вот эту проблему здоровья и высмеял Шевченко». А это низко, полагаю, с этим согласятся все порядочные люди.

Тарас Григорьевич вовсе не был каким-то демоническим негодяем, наоборот, у него было, кажется, мягкое сердце, недаром, к примеру, его полюбили дети «добротного коменданта» И. А. Ускова, когда он отбывал ссылку в Новопетровской крепости. Но и недостатков у «певца свободы» было предостаточно. «... там столько грязного и безнравственного, что изображение этой стороны затмит все хорошее», — с горечью признавал друг украинского поэта, русский ученый Михаил Александрович Максимович. И корень всех недостатков Шевченко многие полагали в его пристрастии к алкоголю. «Недостаток образования и лень! Писал он большею частью в пьяном виде», — в другом месте обличает Максимовский.

Показательна история с выкупом родственников Тараса Григорьевича. В петербургских гостиных он лил слезы о своих братьях и сестрах, страдающих в крепостной неволе, и на эти слезы

откликнулась дочь малороссийского генерал-губернатора Н. Г. Репнина — княжна Варвара Николаевна. В 1845 году она организовала сбор средств, добилась значительного снижения сумм на выкуп. Однако, получив деньги на руки, Шевченко их пропил. Оскорбленная княжна написала ему: «Жаль очень, что вы так легкомысленно отказались от доброго дела для родных ваших; жаль их, и совестно перед всеми, которых я завлекла в это дело». Надо признать, Шевченко тоже был сильно удручен своим проступком, ему было стыдно перед своими родными, которых он уже обнадежил близкой свободой. Однако дальше он поступил еще хуже, смалодушничал: просто прекратил всякое общение с родными братьями и сестрами на целых тринадцать лет — и они не знали ничего о его судьбе, и он ими не интересовался...

После получения вольной Шевченко при поддержке высокопоставленных лиц поступил в Академию художеств, написал ряд картин (и был награжден медалями за работы в 1839, 1840 и 1841 гг.), а также получил звание свободного художника живописи за работу «Цыганка», но до нас дошла только одна его картина маслом — «Катерина» (1842 г.) Хотя Тарас Григорьевич начинал как художник, но прославился он как поэт. Чтобы быть «на волне», стараясь понравиться либералам из дворянства и не только, он принялся писать сатирические памфлеты на тему того, какой плохой «царизм» и, дескать, долой его — с этим он как нельзя лучше пришелся ко двору Кирилло-Мефодиевского братства. При обысках у членов организации изъяли листки с переписанными текстами Шевченко. «Материалы дела изучал лично Император, — сообщают «Исторические наперстки». — Говорят, Николай I от души смеялся, читая корявые «обличения от мужицкого поэта Тараса». Называл поэта дураком, но не собирался наказывать, потому что следствие выяснило — в тайном обществе тот не состоял. Однако, дойдя до места, где поливалась грязью императрица, самодержец пришел в полную ярость: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?!»» (по письму В. Г. Белинского к П. В. Аненкову, 1–10 декабря 1847 г. С-Петербург, Полное собрание сочинений в 13-ти тт. — Т. 12: Письма 1841–1848. — М., 1956. — С. 435–442; 568–572). Вот тут и получилось, что и Шевченко «е за шо».

Шевченко после оглашения приговора письменно признал «неблагопристойность своих сочинений», считая их «мерзкими», выразил «раскаяние в гнусной неблагодарности своей к особам, оказавшим ему столь высокую милость». К тому времени друзья Брюллов и Жуковский, помогавшие выкупить поэта из крепостного состояния, сильно в нем разочаровались и не захотели помогать ему в этой ситуации. Даже «неистовый Виссарион» Белинский, кумир российских демократов, заклеил «народного поэта Украины»: «Вы помните, что верующий друг мой говорил мне, что он верит, что Шевченко — человек достойный и прекрасный. Вера делает чудеса — творит людей из ослов и дубин, стало быть, она может и из Шевченко сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и подлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому» (письмо В. Г. Белинского к П. В. Аненнкову, 1–10 декабря 1847 г. С-Петербург, Полное собрание сочинений в 13-ти тт. — Т. 12: Письма 1841–1848. — М., 1956. — С. 435–442; 568–572).

Но если отодвинуть в сторону суровые суждения современников Лескова и моих современников о личных качествах Тараса Григорьевича Шевченко, а взглянуть на него только как на поэта, он, по моему мнению, вполне заслуживает прилагательного «великий». Я родилась и выросла на Украине, училась в русской школе. Тогда и дома, и на улице, и на предприятиях или в госучреждениях там говорили по-русски. На «мове» — все больше в селах и деревнях. Но в школе нам преподавали украинский язык и литературу, учителем был очень умный и интересный человек. В моих жилах текут русская, украинская, польская кровь, возможно, еще какая-то. По паспорту я украинка, а по душе, образу мыслей, вере, убеждениям, культуре — русская. Но я хорошо помню, какое огромное впечатление на меня произвели произведения Тараса Григорьевича Шевченко: в его стихах поражают яркая красота украинской природы, глубокие переживания о судьбе своего народа, и тут же — страстность чувств героев, от пьянящей радости до бескрайнего горя, от любви до ненависти. Особенно меня поразила поэма «Гайдамаки», глава «Гонта в Умани», действие

которой происходит в моем родном городе. Главный герой устраивает ужасающую резню («рижете ляха! рижете жида!»), а также собственноручно перерезает горло своим двоим несовершеннoлетним сыновьям от полячки за то, что она их привела в католическую веру.

Як та хмара, гайдамаки
Умань обступили.
Опівночі, до схід сонця
Умань затопили,
Затопили, закричали:
«Катай ляха знову».
Покотились по базару
Кінні narodowi,
Покотились малі діти
І каліки хворі.
Гвалт і галас... на базарі —
Як посеред моря
Кровавого, стоїть Гонто
З Максимом завзятим,
Кричать удвох: «Добре, діти,
Отак їх проклятих».
Аж ось ведуть гайдамаки
Ксьондза езуїта
І двох хлопців. «Гонто! Гонто!
Оце твої діти,
Ти нас ріжеш, заріж і їх,
Вони католики.
Чого ж ти став, чом не ріжеш;
Поки невеликі,
Заріж і їх, бо виростуть,
То тебе заріжуть...»
«Вбийте його, а собачат
Своєю заріжу!»

Разве не слышится в этом отрывке страшный голос другого Тараса — гоголевского Бульбы, решающего судьбу своего ополячившегося сына Андрия?! Полагаю, что и Лесков, сам мастер описания великих страстей, был очарован красотой языка, стихийной мощью таланта украинского поэта и полюбил его за это...

В 1861 году Шевченко и Лесков встретились в последний раз. Вспоминая об этом, Николай Семёнович писал: «Около года я не был в Петербурге и, возвратясь в конце января в северную Пальмиру, тотчас отправился поклониться поэту». Он увидел уже больного Шевченко, страдающего водянкой, ему было тяжело дышать: «Вот пропадаю, — говорил поэт, жалуясь на боль в груди и на тяжелую одышку. — От як бы до весны дотянуть, да на Украину... Там, може бы, и полегшело, там, може б, еще хоть трошки подыхав». На прощание Лесков получил в подарок от Шевченко созданный им «Букварь южно-русский».

О кончине поэта Николай Семёнович узнал 26 февраля этого же года. Утром следующего дня вместе со знакомым и земляком поэта А. И. Нечипоренко он отправился в Академию художеств, где «на черном катафалке виднелся гроб, обитый белым глазетом», а у изголовья гроба псаломщик читал переложенный покойником на родную речь один из его псалмов. Три художника рисовали лицо почившего поэта. Под сильным впечатлением от похорон Н. С. Лесков написал статью «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко», свидетельствующую о глубоком уважении Лескова к личности и творчеству Шевченко: «У малороссийского народа, слава Богу, есть теперь своя литература, есть свои ораторы, свои историки, но теперь нет у нее такого лирика, каков был покойный Тарас Григорьевич Шевченко, справедливо названный в одной из сказанных над его гробом речей “батьком рідного слова”».